

Уступить.

В конце концов, разве не прежний хозяин тела убил его кормилицу?

Это его долг.

Придя к этой мысли, Чжао Фан принял судьбоносное решение: если герою нравится Сяньюй, он не станет им мешать.

На полпути Гунсунь Сы, заведя безлюдное место, тайком сунул Сяньюй записку. Она хотела спросить, что это, но он прошептал:

— Это от Чжао Фана для вас.

Сяньюй смолчала и лишь крепче сжала в кулаке сложенную бумажку.

Гунсунь Сы поинтересовался:

— Сестрица, вы грамотная?

— Да, — тихо ответила она.

Когда молодая госпожа училась в частной школе, Сяньюй, сопровождая её, тоже выучила немало иероглифов.

Гунсунь Сы кивнул:

— Вот и славно.

— Сестрица, я знаю, про нас с Чжао Фаном ходят нехорошие слухи. Не верьте им, всё это неправда.

— Чжао Фан любит только вас, он всё время твердит, как вы нежны и понятливы.

— А меня он приютил из жалости, не более.

Сяньюй, в общем-то, и так было всё равно, любит ли Чжао Фан мужчин: лишь бы женился, а она родила бы ему сына или дочь, обеспечив себе безбедную жизнь.

Но от слов Гунсунь Сы ей всё же стало приятно, и она сменила гнев на милость.

До кухни от сарая было далеко, приходилось петлять мимо главных дворов. По дороге Сяньюй объясняла расположение поместий.

Когда они добрались до кухни и заново собрали короб с едой, совсем стемнело.

Сяньюй спросила:

— Обрато дорогу найдешь? Не заблудишься?

Гунсунь Сы послушно кивнул:

— Найду.

И даже подробно описал маршрут, чем изрядно удивил Сяньюй: от сарая до кухни кружной

путь, а этот нищий всё запомнил.

— Ладно, тогда я пошла, — сказала она. — У барышни еще дела.

Гунсунь Сы глядел вслед удаляющейся Сяньюй, а по губам его медленно расплзалась многозначительная улыбка.

Покидая кухню, он прихватил с собой кувшин вина.

Небо чернело всё сильнее; под тонким снежным покровом земля тускло мерцала.

Гунсунь Сы неспешно шагал в обратный путь.

Вдруг сзади раздались торопливые, панические шаги. Они нарастали, и юноша едва успел посторониться, как мимо промчался чей-то силуэт.

Следом с криками неслись слуги:

— Не упустите его!

— Быстрее, второй молодой господин ждет!

Дорожная челядь кинулась глазеть.

Гунсунь Сы и сам невольно двинулся следом. Впереди уже разносилась весть:

— В колодец прыгнул! В колодец!

— В такую-то стужу... Да разве выживешь?

— Куда там.

Кто-то тихо прошептал:

— Говорят, издевательств второго господина не стерпел. У него же наклонности извращенные!

— Тсс, не кричи, а то и тебя туда же отправят.

— Мне-то что, второй господин на меня и не глядит. А вот на наших нежных юношей и девушек - очень даже.

— Да, я слышал, господин раньше на сына управляющего Чжао заглядывался. Если бы старая госпожа не вмешалась - добился бы своего.

— Этот паренек и впрямь белокожий, как девица, а нрав-то с огоньком. Второй как раз таких и любит.

— Потому-то тетушка Чжао и гонит сына под венец, чтоб угомонился.

— А слышала я, не успокоился он: у себя в постели нищего мальчишку тайно держит.

— Да что ты?

— Правда? Не слышала.

Служанки и бабки судачили наперебой.

— А этот нищий – собой-то хоть хорош?

— ...

Пока зеваки чесали языками, пострадавшего уже подняли на поверхность и пытались откачать.

Мужчина не умер, и его снова унесли слуги.

Гунсунь Сы очень хотелось взглянуть, как второй господин доводит людей до самоубийства, но сегодня у него было более важное дело.

Назад в сарай он пошел не сразу, а сначала наведалься в прежнюю каморку Чжао Фана в людской.

Ему повезло: Фугуй был у себя.

Гунсунь Сы вынул из короба блюдо с закусками и поставил на стол. — Чжао Фан просил угостить и передать вам кое-что на словах.

— На словах?

Гунсунь Сы склонился к самому уху Фугуя и что-то прошептал. Глаза у того полезли на лоб:

— Да ладно, взаправду?

Гунсунь Сы:

— Он сказал, ты его названный брат, и твое счастье – его счастье.

Фугуй заволновался, потирая руки:

— Вот брат так брат! Сейчас же пойду его благодарить.

— Не надо.

Гунсунь Сы удержал его:

— Он велел тебе сейчас привести себя в порядок, чтоб не отпугнуть девицу неряшливым видом.

Фугуй расплылся до ушей:

— Вот уж не думал, что Чжао Фан такой широкий человек. Ладно, я тоже не промах.

— Передай, что те двадцать лянов, что он мне должен, я ему прощаю – в знак благодарности.

Гунсунь Сы:

— Хорошо, непременно передам.

Когда юноша ушел, Фугуй принялся наворачивать круги по комнате, не в силах сдержать волнения. Видно, парня Чжао Фана этот нищий совсем опоил любовным зельем.

Надо ловить момент, пока Фан не очухался, и завладеть Сяньюй.

Столько слюней на нее пускал...

Наконец-то вопьется в это мяско!

Вернувшись в сарай, Гунсунь Сы соврал, что по дороге его перехватил Фугуй и попросил закуски:

— Еще он сказал, что прощает тебе долг в двадцать лянов.

Чжао Фан удивился:

— С чего это он вдруг такой щедрый?

Гунсунь Сы:

— Может, настроение хорошее.

У самого Чжао Фана настроение было подпорчено – отдавать такую красавицу было все-таки слегка обидно. — У тебя в руках вино? Налей-ка и мне.

Гунсунь Сы послушно наполнил чашу.

Чжао Фан уже поднес ее к губам, но юноша поймал его за запястье:

— Брат Чжао, ты еще не рассказал историю.

Чжао Фан хлопнул себя по ляжке:

— Одно другому не мешает. Сегодня я расщедрюсь и расскажу тебе целых две главы. На чем мы вчера остановились?

Гунсунь Сы: — «Сходка героев».

Он помнил это очень ясно. Истории «Троецарствия» были чрезвычайно увлекательны и давали ему обильную пищу для размышлений.

Чжао Фан:

— Отлично. Сегодня расскажу тебе об одной классической сцене – «Лодки с соломенными чучелами». О том, как Чжугэ Кунмин добыл стрелы у врага и обратил их в свое оружие.

— Это был гений, каких свет не видывал. Без него Лю Бэй не сумел бы вершить великие дела.

— ...

В комнате завывал северный ветер, за окном кружили снежные хлопья.

Огонек в убогой печурке давно угас, а Чжао Фан все с тем же жаром расписывал битву умов героических личностей.

Гунсунь Сы не притронулся к вину; он лишь слушал в молчании, незаметно подливая в чашу собутельника.

Когда Чжао Фан окончательно захмелел до беспамятства, Гунсунь Сы какое-то время смотрел на него, а затем стащил с него одежду, оставив лишь нижнюю рубаху.

Наутро Сяньюй, вне себя от горя и гнева, пинком распахнула дверь сарая и застыла: на кровати, обнаженный, в обнимку с нищим мальчишкой спал Чжао Фан.

В голове у Сяньюй словно взорвался снаряд.

<http://bllate.org/book/18123/1739322>